

Константин Паустовский

Аннушка

Вторую неделю дул сухой ветер. Косари жаловались: трава в парке пожухла, загрубела, как проволока, и косить ее нет возможности, — то и дело приходится отбивать косы.

Звон отбиваемых кос, душный ветер, столбы пыли по степным дорогам — тяжелое выдалось лето! Земля потрескалась, вода в пруду отошла и обнажила дно, рябое от телячьих следов. Никак не верилось, что есть еще на свете прохлада и дожди.

Косари подрядились скосить траву в парке при доме отдыха. Они старались, обкашивали каждый куст, но обошли маленький холмик под липой. Обошли потому, что холмик этот, заросший желтыми колосьями, бы I могилой девушки Анны.

Из сбивчивых и многословных рассказов ночного сторожа при доме отдыха старика Семена об этой могиле выяснилось, что сто лет назад обитал в здешних местах воронежский мещанин Иван Саввич Никитин. Он держал на Задонской дороге постоянный двор и, бывало, записывал на досуге в толстую конторскую книгу песни своего сочинения. По словам Семена, Иван Саввич собственноручно спилил ветку, на которой

удавилась Анна, а спиленное место закрасил белой краской. Сколько лет прошло, а краска не сошла! И сейчас еще на липе видно белое пятно на том месте, где росла эта ветка.

Анна была актеркой у помещика Шлихтинга. Помещик этот держал знаменитых коней, вороных и гладких, «как ласточки». Овес для этих коней поставлял Иван Саввич.

Однажды Иван Саввич приехал к Шлихтингу взыскивать долг за овес, попал на представление в помещичьем доме и увидел Анну. О чем он с ней говорил, никто не знает. Только известно одно: пришел он к Шлихтингу и просил, чтобы отпустил помещик Анну в Москву играть в столичном театре, потому что у нее был великий дар.

Просил и так и этак: и по-человечеству, и по-божески, и долг за овес обещал начисто скостить, — а долг был тяжкий, многолетний, — и сулил Шлихтингу народную благодарность. Но Шлихтинг был сухопарый немец, неуважительный, хоть и был он шутлив и бегал по своей усадьбе вприскочку.

Он усадил Ивана Саввича у себя в кабинете в мягкое кресло, сам сел напротив, крепко сжал Ивана Саввича за коленки, посмотрел ласково в глаза и сказал:

— Напрасно ты полагаешь, будто я так разорился, что польщусь из-за Анны на твои

овсяные рубли. Получай эти рубли и езжай с богом, В овсе твоём я теперь не нуждаюсь.

Он открыл ящик столе, — а стол был с перламутром — и выложил Ивану Саввичу пук ассигнаций. «Я, говорит, всех коней и усадьбу продал и Анну беспрёменно продам князю Орлову: он на таких падкий. А сам уеду в город Ригу, где и буду житьствовать. Так что, говорит, запоздал ты со своим предстательством. Да оно и ни к чему, потому что, ежели бы не крутые дела, я Анну нипочем бы не продал и никуда бы не отпустил. Что мое — то мое, а что твоё — то твоё. Ты в мои кошельки и дела не суйся!»

Встал Иван Саввич и сказал: «Ну, видно, нет у вас ни чести, ни сердца, и есть вы рыжий немецкий пес!» И ушел, сдержался, чтобы не прикончить Шлихтинга на месте. А Анна в ту же ночь удавилась на молодой липе.

Парк при доме отдыха был обнесен валом. Косари отдыхали на валу, — там всегда дул из степи ветер, сушил мокрые рубахи, потные лбы.

Сначала косари молчали, смотрели, прищурившись, как ветер широкими полосами кладет седые овсы, потом, отдышавшись, закуривали, и тогда Семен, работавший вместе с косарями, говорил:

— Мою тоже Анной зовут. Только век нынче не тот!

— Чего? — переспрашивал кто-нибудь из косарей.

Они несколько раз уже слышали рассказ Семена и об актерке Анне и о дочери Семена, тихой девушке Анне, но никогда его не останавливали — то ли от лени, то ли от деревенской своей любви к длинным и складным житейским историям.

— Век нынче, говорю, не тот! — повторял Семен. — Время прояснилось. Ты только гляди!

Семен начинал свой рассказ, и косари слушали, почесывая грудь и поддакивая. Что уж говорить, не было у Семена сынов, так не обидела судьба — дала милую дочь. Это уж верно! Тут ничего навстречу не скажешь!

Когда Семен замолкал, кто-нибудь из косарей обязательно спрашивал:

— Так, говоришь, навестить скоро придет?

— А как же! — торопливо отвечал Семен и виновато улыбался. — Отписала: приеду после Петрова дня. Мне бы только дождаться!

— Доживешь, — лениво успокаивали его косари.

— Да надо бы, — неуверенно говорил Семен. — Вот только дыхания у меня маловато.

Он наклонялся и начинал перевязывать лапоть. Дышал он трудно, со свистом. Косари молча переглядывались, а потом кто-нибудь весело говорил: